

Татьяна

Десять лет прошло, и вот я снова в этом зале. Но думаю сейчас не о том, что происходит на сцене, а о случившемся сегодня. Может быть, я когда-нибудь даже напишу об этом. История про то, как я умерла. И умерла. Как я была убита...

Нет, не то. Это будет история без всяких страдательных залогов. «Страдательный залог показывает, что подлежащее обозначает предмет или лицо, подвергаемые действию со стороны другого лица или предмета» — гласит грамматика русского языка.

В страдательном залоге скрыта пассивность объекта, но я теперь точно знаю, что никто ничего с человеком сделать не может, если он сам не даст для этого повод.

За все, что с нами происходит, мы должны благодарить или винить себя. Вот про это, наверное, и будет моя история. Но чуть позже, когда я окончательно разберусь во всем, когда умрет все, что...

Нет, опять не так! Когда я убью все. Весь мир — это личные местоимения. Это я, ты, он, она, оно, мы, вы, они... Если по правильному и по справедливости, то начинать нужно было бы с «я», но началось с убийства невинного Жоржика.

А может, это не только он умер (хотя мне до последнего казалось, что ничего с ним не случится, там разбиться было сложно, думаю, он умер просто от страха), это уже я начала убивать себя, ведь до этого вечера я и вообразить себе не могла, что могу убить невинного. Да и вообще убить.

У человека, которого из-за кризиса сократили, есть свои преимущества. Мною всегда руководили. В университете само собой: преподаватель — существо подневольное, что бы там ни казалось студентам. Есть кафедра, есть деканат-ректорат, есть учебный план. Хочешь не хочешь — нужно защищаться, кандидатская, или, как ее называют шутники, кандидамская, диссертация — необходимый минимум для работы в вузе, даже если никакой тяги к науке у тебя нет.

Казалось, что вот уйду в издательство, буду творческой работой заниматься, но не тут-то было — есть редакционный план, и никто не спрашивает тебя, лежит ли твоя душа к этому автору или нет. Поэтому не очень и сопротивлялась, когда стали увольнять переводчиков, тем более что вскоре мы уехали с Сережей в Гвинею. Сережу первый раз послом назначили, мы так радовались. А с его сердцем — только в Экваториальную Африку... Мы никогда, никогда не можем правильно оценить масштаб событий...

Вот теперь я в вольном плавании. Может, в слишком вольном... Сама себе режиссер. Например, захотела переводить Юхансона — и перевожу. И плевать мне на редакционный план. А денег всегда не хватает. Причем всем. И уволенным, и неуволненным... Захочу, кстати, сама писать буду, чем черт не шутит, откроем семейный подряд — одна сестра пишет, другая играет! А то и на роман замахнусь...

А Юхансон эту пьесу прямо как для Тамары сделал. Перевожу — и слышу ее голос.

«Давно не писала. Не было места и времени. А сейчас — нашлось. Представляешь, я на курорте. Здесь пьют воду, потом много гуляют. Снова пьют воду и снова гуляют. Карловы Вары. А когда-то называли — Карлсбад. Почти по-шведски.

Я приехала сюда после того, что случилось. Говорят, неприятности легче переживать на Карибах, но до них я не добралась. Во-первых, далеко. Во-вторых... не важно.

Со мной пытаются знакомиться. Я вежливо улыбаюсь. Одного господина из Гамбурга это не смущает, и он продолжает попытки четвертый день. Ты знаешь, он не так неприятен, как бывают неприятны зануды. Но это ничего не меняет.

Я уже пять дней не курю. И не поверишь — не тянет. Помнишь притчу? Жил человек, курил много. Так и умер с сигаретой. Попал в рай. Но сигарету выбрасывать жалко, а в раю не прикуришь. Заскочил на минутку в ад. Спрашивает у чертей: «Где прикурить можно? Что-то я огня не вижу». Те смотрят с удивлением: «А ты что — не знал? В аду огня нет». — «Как — нет? Ад — и без огня?» — «А сюда каждый со своим приходит», — отвечают черти. И смеются. Нехорошо смеются...

А ты представь себе, как еще черти могут смеяться... Жизнерадостно?

Так вот, я свой огонь минеральной водичкой тушу. В надежде, что погаснет. Пока не получается... Я и письмо пишу, чтобы стало легче. Психологи советуют писать — если обсуждать проблему не с кем.

...Кто-то из нас должен был умереть. Почему я решилась на это? Наверно, надоело быть жертвой. Я ведь не знала, что палачи мучаются сильнее. Может, поэтому жертв больше. Если честно, до последнего момента не верила, что сделаю это. А когда решилась, целый день ощущала пустоту. Внутри и вокруг. Наверно, так превращаются в палачей. А потом — хуже и хуже. И самое страшное — не могу вернуться назад, как бы я этого ни желала. Необратимый процесс... Кажется — устранишь то, что ломает твою жизнь. А в результате делаешь ее невыносимой. Необратимой... Необратимая жизнь. Чувшь. Наступает смерть — и все поворачивается вспять... Мысли о ней не оставляют меня. Только они отвлекают от душевной боли. Самой страшной из всех, которые мне довелось когда-то испытать... А черти смеются и говорят, что нет огня...

Прыгнуть со скалы? Ужасно представить, как я буду выглядеть после этого. Выстрелить из пистолета? В сердце — можно промахнуться. В голову — вид будет не лучше, чем после падения в пропасть. Таблетки? Промоют, и опять все по новой... Газовая плита? Но здесь все на электричестве...»

Перечитывала готовый текст, пыталась сосредоточиться, Жоржик никак не хотел униматься, кричал, пришлось накрыть его платком. Что-то не нравилось в тексте: то ли недоговоренность, то ли излишний мелодраматизм.

Все утро трезвонил телефон, звонили из журнала «Семья и школа», интересовались, что чувствует бывшая жена юбиляра в этот радостный день. Всех посылала. По телефону же не видно, что это не бывшая жена, а бывшая свояченица. Тамара застряла в парикмахерской, время поджимало, а в посольство опаздывать не принято. Собирались на прием в посольство, проигнорировав приглашительные на юбилейный вечер Платонова, хотя вся культурная общественность в едином порыве...

И тут пришла Елена, не то чтобы совсем прекрасная, но бед натворила не меньше, чем ее знаменитая троянская тезка. Если уж тему Трои развивать, то это был классический маневр с троянским конем: пришла массажистка, стала журналисткой, а там, упаси Бог, еще и родственницей окажется!

И вот мы не в посольстве, где все мирно, чинно, а здесь, где все искрит электричеством и в прямом, и в метафорическом смысле. Где она, кстати, есть, эта массажистка-журналистка? Наверное, где-то в задних рядах, спасибо, что хоть на глаза не попадается. Конечно, она здесь, ее битва в самом разгаре.

Как это она сказала, «свои чувства надо защищать, как свой дом и кошелек в кармане»? Но, если напал грабитель, может лучше отдать ему кошелек и сохранить жизнь? Кошелек, по-моему, жизни не стоит. А дом? Если разрушают твой родной, единственный дом, в котором всю жизнь прожил и другого не хочешь, что тогда?

Юбилейные торжества идут своим чередом: поздравления, пожелания, мэр с бочонком меда (он бы лучше пробки на дорогах разводил, а не пчел, чуть не опоздали, таксист нарушал все мыслимые правила ради автографа самой Тамары Трегубовой); министр культуры (правда, бывший, но до сих пор вполне влиятельный, ведет свою вроде бы дискуссионную передачу на канале «Культура»).

Поздравления от театра, юные инженеру и субретки («Любите ли вы Платонова так, как любил его я?», «Но ах, ему мила Людмила...», «Но ой, сюда идет Людмила!..»). А вот и сама Людмила Пронина на сцене, жена и прима, хозяйка бала, театра и, судя по всему, платоновской жизни. И все камеры на юбиляра, вальяжно расположившегося в кресле пятого ряда у прохода в центре, чтобы удобнее подношения принимать.

Глянула вбок: Тамара ежится, но держится. Она, конечно, молодец, да и кто бы сомневался — актриса! Спокойно, величественно, улыбка чуть снисходительная и свысока, но ровно настолько, чтобы не казаться вызывающей. В фойе полуобъятие-полупоцелуй с Платоновым и взгляд сквозь Пронину, которая вдруг на самом деле стала невидимой: фоторепортеры щелкают вспышками, но в объективе не звездная чета Платонов-Пронина, а звездный юбиляр, которого почтила своим присутствием знаменитая Трегубова. Нет, не восхищаться ею невозможно! Эх, Томка, Томка...

«Таня любит Тому, Тома любит Таню», — противно верещал Жорж. Когда его с Сережей из Гвинеи привезли, он только и мог говорить «се ля ви» и «шерше ля фам», да еще «мяу» иногда, наверное, у предыдущих хозяев была кошка. Сережа его любил, а мне после его смерти Жоржик стал невыносим, Тамара его забрала. Это она его про сестринскую любовь говорить научила.

Когда я клетку схватила, он встревоженно заклохтал и взглянул не по-попугачьи, боком, а прямо в лицо, с изумлением и возмущением. Падая, клетка засвистела прутьями, унося с собою придушенный крик Жоржика, мелкую труху и зеленый пух. Наверное, соседи его уже нашли, а там, кто знает, уже темно, хотя он, наверное, кричал, не услышать нельзя. Если кричал... Третий этаж, что с ним могло случиться...

Если бы, убив попугая, можно было убить и... Что? Свои мысли, чувства, свое прошлое? А если их нет, мыслей, чувств и прошлого, тогда это по-прежнему жизнь или это уже свершившееся самоубийство? В любом случае, лежащий под окном живой или мертвый попугай отрезал пути к отступлению — вернемся домой и говорить придется.

И все-таки Таня была права, прийти было надо. Почему я должна прятаться за спиной сестры, за ее приемом в посольстве? Раз уж платоновский юбилей — всенародные торжества, так и я, как работник искусства, буду со своим народом, в народной гуще, массе и в чем-то там еще. Ага, в чем-то...

«Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был...». Мы все в обрывках чьих-то строчек. Вот и ахматовские вскочили в сознание без спросу.

Да нет, все идет нормально, напрасно переживала. Все восприняли именно как появление королевы, которая снизошла.

Таня заладила: «Нужно простить, пора простить...» И ведь доказывала ей, что для прощения обстоятельства неподходящие: «Представь: вышла я замуж, снимают передачу о моей семье... Новый муж целует меня в щеку... Вот после этого можно с милой улыбкой сказать, что я простила Платонова, мы перезваниваемся. А сейчас, когда я одна... Мое «прошаю» вызовет жалость!» Потому что трусила отчаянно.

Но Танюша всегда молодец, уговорила. Славика приплела: — Я понимаю, что в театрах ты бываешь чаще, чем в посольствах... Но давай лучше на юбилей. Будет день подарков Славике. Я дачу подарю, ты — мирный договор с Платоновым.

Славик просто невыносим в последнее время, стал грубым, звонит реже, заезжать вообще перестал.

— Потому что ты каждый раз заводишь разговор: пойдет он на юбилей или нет, — упрекнула Таня.

— Уже не завожу. Юбилей, считай, прошел.

— Пройдет. А жизнь на этом не закончится.

Ладно, пусть будет так, он хотя бы помирился с женой, послушался нас, скорее, Таню послушался, но в любом случае вон он, сидит с Алиной, и до чего же на Платонова непохож... В Тани положительно умер великий педагог!

В конце концов, у нас с Платоновым внучка общая. Как ей объяснить, почему с дедушкой про бабушку говорить можно, а с бабушкой про дедушку — нельзя, а мороженое с ними только по очереди можно кушать? Да и Славик... Он, конечно, не ребенок, но, наверное, это до сих пор мучает. Он в детстве на вопрос: «Кого ты больше любишь?» — отвечал: «Маму-папу. Папу-маму». Мне кажется, Таня его лучше понимает. Она, кстати, всегда была против его занятий бизнесом: дело не в том, что выпускник МГИМО организовал компанию по торговле автомобилями, а в том, что его нервы и бизнес плохо сочетаются.

А вообще-то странный разговор сегодня вышел. После ухода этой чудной массажистки, с которой она зачем-то вино распивала, Таня просто сама не своя. Что она ей там наmassировала? Я, конечно, тоже молодец, сорвалась, чуть не разревелась, достали все эти передачи, статьи... Платонов с его милой откровенностью за эту неделю сто интервью раздал!.. А тут Таня с семейными воспоминаниями и фотографиями!..

Я взвывла: — Ну не хочу я в театр! Понимаешь? Платонов меня предал!

А она словно кнутом щелкнула: — А ты его? Никогда не обманывала?.. — И так внимательно смотрит, будто экзамен принимает.

— Я? Обманывала. Еще как!.. Когда он выпить хотел, а я водку прятала и говорила, что в доме денег нет. А все деньги к тебе отвозила.

— Я не об этом.

— А о чем???

— Ладно, извини... — Помолчала, и потом так ласково, полувопросительно или даже полупросительно: — Тома... а может... ты его до сих пор любишь?

Господи, Танюша, дорогая, конечно, люблю! И все помню. И как таблетки собирала, и как меня скорая с порезанными венами увозила... Помню, как под-

ходил ко мне и клал голову на плечо. А потом тихонечко целовал. Не в губы, а в щеку, как ребенок. И был самым родным. Да — пил. И не только. Гулял... Устраивал ночные репетиции и читки. Но я поняла, что чувства — это одно, а поведение — другое.

— Да, Таня, люблю и любила. Мы любили. Хотя орали, посуду били... За чувства — пять, за поведение — два...

— Тяжело быть женой известного артиста.

— Это она, педагог, теперь на честолюбие надавила.

— Неизвестного — еще тяжелее...

Только не стоит все-таки забывать, благодаря кому Платонов стал тем самым Платоновым. Я его из провинции в столицу выгатила, а потом Сережа, светлая ему память, прописку сделал, проталкивал как мог... Из этой истории с «белочкой» его выгатила.

Да он без нас был — никто! Его без нашей семьи просто не было бы! Спился бы в своем Куйбышеве... Заслуженный артист без публики. Со своей провинциальной дурочкой, великой артисткой маленького театра, Сарой Бернар из Поволжья! Она ему еще долго письма писала, пыталась шантажировать. И все-таки провинциальные корни неистребимы — привез Милку Пронину из какого-то Мухобойска и стал из нее звезду делать. Сколько лет от акцента избавлялась! Народная артистка... Все вокруг народное, все вокруг мое... Первое время я вообще не помню, как жила. Хотя — нет... К сожалению, помню. Как в театре шушукались за спиной. Как на прилавках лежали эти газетки, в которых его Милочка рассказывала, какие подарки он ей подарил... Мне после развода пришлось из театра уйти, где я двадцать лет проработала! И что это, не предательство?

— Таня, ты сама всегда говорила: измену простить можно. Предательство — никогда!

— Да. Если бы еще научиться отличать одно от другого... Как там у Лермонтова про Наполеона:

— Как женщина, ему вы изменили, и, как рабы, вы предали его!

Ох, Танюша, с твоими цитатами на все случаи жизни! Когда это происходит лично с тобой — не перепутаешь. Потому что изменяет кто-то, а предадут — всегда конкретно кого-то. Одного человека. И то, что я здесь сейчас сижу, еще ни о чем не говорит. Я пока не знаю, готова ли я простить.

В сценарии меня нет. Хорошо, что не подтвердила свое присутствие. Вот такая неожиданность для юбиляра. А он вполне в форме, хотя, конечно, немного располнел. Элегантная седина, хороший цвет лица — Милочка явно заботится о правильном образе жизни. Ему это идет, а вот ей — не очень, слишком тренированная и здоровая. Просто реклама «Гербалайфа».

В зале, конечно же, весь бомонд. В чем Платонову не откажешь, так это в умении организовывать вокруг себя нужных людей. Все очень правильно подобрано — и коллеги, бывшие и нынешние, и администрация, и власть, и третья власть — телевизионщики, и околотеатральная общественность, короче, каждой твари по паре, а то и побольше числом. Просто паноптикум, по занимаемым местам сразу видно ху из ху. Всегда забавно наблюдать, как на подобных мероприятиях год от года кто-то передвигается с задних рядов к передним, а кто-то — наоборот. Карьерный рост и естественный отбор. Или искусственный?

А с платьем я не прогадала. Серый жемчуг совершенно убил Пронину, она как серая мышь в нем. А мое старое вино — просто бомба. И в глянце отлично смотреться будет, и на экране. Что бы там ни было, я — актриса. Обо мне еще пишут. Я не могу не думать о том, как это будет выглядеть... А все остальное — мои проблемы, никому до них дела нет. У всех есть свои тайны.

И нечего всем знать, что я одна, потому что после Валентина никого не любила. Через два года появился Николай. Он, конечно, был хороший. Добрый. Правильный. Диетический какой-то... Как овсянка на воде... Без соли. Сколько мы с ним были? Полгода?.. Да нет, целый год, удивительно.

А потом художник был. Он, конечно, не овсянка. Но и не Платонов. А когда мне стало казаться... а может, и не казаться... что у него кто-то есть... Поняла, что второй раз этого не переживу. Да и не жалею.

А память — она такая штука, избирательная. По Фрейдю, память вытесняет все плохое, но, наверное, не только. Она вытесняет все, что мешает жить, даже если оно было не таким уж и плохим. Такое мое счастье. И что бы там ни было, у меня есть Славик, Танюша, даже внучка, есть моя семья. Невзирая на все семейные тайны. А у кого их нет?

Елена

Больно кольнуло под ложечкой, как только Славик появился в фойе. Вот такая у меня неадекватная на него реакция. И половина его с ним, в дорогой упаковке. Еще бы, при таком-то папаше! За папины нефтедоллары можно купить себе и мужа-красавчика, и знаменитую родню. Но если все, что на женщине, кричит только о своей дороговизне, это значит, что одета она ужасно. А Славик вроде и не видит, привык, наверное, да и не из таких он, чтобы наряды жены контролировать.

Репортеры фотоаппаратами щелкают, телевидение суетится, но я сейчас не на работе, можно просто получать удовольствие от наблюдения. Свою работу на сегодня я, кажется, уже сделала.

Вот только непонятно теперь, что из всего этого выйдет. Это я или здорово маханулась, или, наоборот, все повернулось самым выгодным образом. Зависит, конечно, от Татьяны Леонидовны. Да уж, она звалась Татьяна...

Нет, тетка точно железная, даже жалко ее как-то. Хотя она противник сильный, такую зауважашь. И союзником отличным будет, пусть и по необходимости. Нет, ну каковы сестрицы! Просто королевами сидят, хоть бы что им!

Интересно, о чем они говорили, когда я ушла? Что бы там ни было, со стороны ничего не видно. Уже перетрясли скелеты в семейном шкафу или нет? Да и будут ли перетраивать?

Татьяна, конечно, кремень, может ничего и не сказать. А Славик все равно мой будет, вот тогда и станем семейную тайну мы вдвоем с Татьяной хранить.

А вообще, как можно было перепутать? Они ведь совсем непохожи, сестры эти! Ну, фигура, рост, это еще, пожалуй, да, но лицо, голос, интонации! Ладно, кто под косметической маской может кого узнать? С косметической мазилкой на лице все женщины одинаковые. Все кошки ночью становятся серыми, как мышки. Вот мы в кошки-мышки с ней и сыграли. Я-то думала, что кошка только я, но нет, она, конечно, зверь, пришлось и мне самой мышкой побегать. Короче, счет 1:1. В первом тайме. А что дальше, будем посмотреть...

Времени у меня было мало, просто в обрез: через три часа начиналось все это представление в театре, массаж в четыре, старая зануда массажистка еще ломалась, но дензнаки свое дело знают. Шеф компенсирует, если это в номер пойдет,

материал что надо. А если нет, в смысле — не пойдет, то тогда деньги я потеряю, но выиграю много больше — ставка больше, чем жизнь.

Дверь она открыла сразу, не заглядывая в глазок. Доверчивая! Что, мало, видно, поклонники достают или на консьержку надеется? Той, старой гримзе, по-моему, все на одно лицо, во всяком случае, меня не остановила. На лице зеленая косметическая маска, волосы высоко подобраны, шелковый халат в драконах. И сразу извиняться принялась: «Извините, что я так... мне маску только через полчаса снимать».

Воспитанная дама, ничего не скажешь, есть такие звезды, что об обслуживающий персонал ноги вытирают. Потом только спросила: — А почему Надежда Михайловна не пришла?

Тут уж все просто:

— Гриппует, температурит. Она разве не предупредила, что я вместо нее приеду? Меня Лена зовут.

— Очень приятно.

Ну, приятно-неприятно, а я здесь. Халатик из сумочки, деловитость, но вначале нужно артистку в комплиментах искупать, это располагает, с этой компанией этот ритуал обязательный. Похлопала глазами на фотографии, что по всем стенам развешаны: — Ой! Это же вы в «Чайке», да? Я два раза была на спектакле — и оба раза стояла. В зале — биток! Это вы — Гертруда? Знаете, я на «Гамлет» так и не попала. Один раз достался билет — а спектакль отменили. Такой облом....

Среди фотографий — картина: овечка, холст, масло, такой себе примитивизм, но взгляд у нее странный, что-то в ней не так. Прикольная овечка.

«Это кто?» — «Овечка». — «Сама вижу».

Я об авторе. «Не помню». — И заторопилась: «Леночка, если можно, давайте начнем. Мне через час на прием в посольство ехать...» — «Конечно, конечно... Где руки помыть? Где мы расположимся? Освобождайте пока спину, поясницу...»

Вот это был прокол! Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу! Оказалась шея! Нужно было точнее все узнать, но эта Надежда так бляяла, так боялась... Ладно, она вроде бы не насторожилась, что поделаешь, интеллигенция!

Сквозь шум воды в ванной было слышно, как заговорил телевизор: — Мы с Валентином Иванычем еще в Самаре познакомились. То есть, тогда это был Куйбышев. Мы в «Женитьбе» играли. Он — Подколесина, я — Кочкарева. Прекрасно играл! Особенно финальную сцену...

Потом другой канал: «...исполняется пятьдесят лет замечательному актеру театра и кино, режиссеру, народному артисту России, заслуженному деятелю искусств Валентину Ивановичу Платонову. Чествование юбиляра состоится в театре, где Валентин Иванович работает уже двадцать пять лет. Поздравить именинника придут министры, мэр города, руководители других театров». И третий: «...Валентин Платонов и Людмила Пронина. Этот семейный дуэт блистает на сцене уже десять лет. Недавно Людмиле присвоили звание народной артистки России...»

А, переживает, каналами шелкает... Этого мне и надо, клиент явно созрел. Начинаем массаж и беседу с разогрева: где что болит, легкий треп про Джулию Робертс, которая змеиным ядом лечится («Ядом? Звучит устрашающе...») — «Ну что вы, Тамара Леонидовна, лекарство от яда лишь дозой разнится!»), про диеты, кто как фигуру держит («Лена, у вас разве есть проблемы? Не заметила». — «Пока нет. Но думать об этом надо до, а не после. Как Алла Борисовна, например...»).

Только собралась к наводящим вопросам переходить, как ей позвонил Славик. Просто в точку, классно получилось, она сама раскололась:

— Да, я звонила. Не мог?.. Ясно. Ты когда с дачи уезжал — окна закрыл? А то в прошлый раз гроза началась, два стекла — вдребезги... Я приехала, там сквозняки

гуляют. Куда? Значит, все-таки пойдешь? Ну, ты мальчик взрослый, тебе решать. Кстати, приготовься интервью раздавать. Журналисты просто взбесились. У них ко всем вопросы. К жене бывшей, к жене нынешней... Могли бы — у попугая интервью взяли. Так что будешь рассказывать, что чувствует сын выдающегося папы... А с кем идешь? Да, меня это волнует. И не груби. Раз спрашиваю — значит, важно.

Зажала мышцы шеи, напряглась, пришлось посильнее надавить, так, что она даже чуть ойкнула и прямо закричала в трубку:

— Алло! Слава! Можешь ответить нормально? Ты что — намерен идти со своей журнашлюшкой? С ума сошел?

Ага, даже так! Ну что ж, во всяком случае, все ясно. Спасибо вам, дорогая. Ничего, мне тоже есть чем ответить, подожди немного. Славик что-то бубнил, но я, как ни пыталась, слов разобрать не могла. Зато она разошлась вовсю:

— Да не знаю ее и знать не хочу! Министры будут... Мэр... с бочонком меда... Пресса, телевидение! И ты... непонятно с кем? Вот когда разведешься, тогда и ходи с кем хочешь. Ты бы у своего отца чему-то хорошему научился, а не скандалам...

В сердцах отключила телефон и выдохнула:

— Маленькие дети спать не дают, большие — жить.

Забрала у нее телефон, положила на стол, теперь расслабляющие движения, вот так, нежнее, пусть немного успокоится и проникнется доверием к моим ласковым рукам, к моим нежным кошачьим лапкам, снимающим стресс (зверей приручают лаской, смотри заветы дрессировщика дедушки Дурова!):

— Тамара Леонидовна, расслабьтесь! Вас трясет! Я так ничего сделать не смогу...

Но ее понесло:

— Ну, юбилей отца — понятно. В конце концов, это их отношения. Хотя, когда муж бросает жену после пятнадцати лет ради какой-то... сын мог бы пожалеть мать и не ходить. Так мало того, что идет — он туда собрался с новой подружкой!

Прощупаем, кстати, почву:

— У него их много?

— Нашлась одна... Уводит из семьи. А у него ребенок маленький... Хищница!

— Красивая?

— Понятия не имею. И что значит — красивая? Разве это главное?

Ну конечно, тоже мне, нашлась моралистка. Русо туристо, облик морале... Я невинно похлопала глазками:

— А может, они с женой разлюбили друг друга?

— Все друг друга любят... пока третий не появится. Ой, больно!

Нет, это еще не больно! Ты еще, голубушка, не знаешь, что я знаю... Но, конечно, увлеклась, пережала. Как массажист, я все-таки заповедь «Не навреди» соблюдать должна. Но как журналист... Вот и настало время интервью, о котором она не подозревает, начнем:

— А еще говорят, что актеры в жизни — совсем без эмоций. Только на сцене страсти. Я читала... извините... что из вас слезинки не выдавишь.

— Меня учили: если артистка не оставила все эмоции на сцене, значит, украли их у зрителя. А в жизни я — живой человек. Просто у меня есть способ. Когда накопится — надо чашку разбить. Или бумагу рвать на мелкие кусочки. Возьмешь газету... А еще лучше — журнал глянецовый... И рвешь его, рвешь — пока пальцы не устанут. И стресс уходит.

Отлично! Советы о том, как бороться со стрессом от Тамары Трегубовой. Стодятся, но я не за этим пришла, есть кое-что погорячее. Тем более что некоторые так любят погорячее:

— Простите, что спрашиваю... Вы на последние спектакли Платонова ходили?

— Уже лет десять не хожу.

Класс! Отличный хед-лайн: «Тамара Трегубова уже десять лет не ходит на спектакли своего бывшего мужа!». Теперь дождем:

— А я ходила. По-моему, он стал хуже играть... По клавишам не попадает. Играет самого себя, а не роли. А спектакли только для нее делает. Как в «Театральном романе». Есть для Милочки роль — ставит, нет — не ставит.

— Леночка! — Попробовала обернуться, но я не дала, чуть-чуть придавила левую мышцу. — В театр ходите, Булгакова читаете... Вы какая-то необычная массажистка. Вот Надежда Михайловна только сериалы смотрит. Каждый раз, пока массаж делает, серий пять рассказать успеет.

— Сериалы? Мыло! Я театр люблю.

Не отвлекайтесь, Тамара Леонидовна, есть более интересные предметы для разговора. Вернемся к Платонову! Но вначале пауза, пусть расслабится. Держим паузу, заслуженная артистка? А вот теперь опять невинно, хлоп-хлоп глазками:

— Разве Платонов не замечательный актер?.. Зачем ему вообще понадобилось режиссурой заниматься?

— Актер — всегда марионетка. Что придумает режиссер, то и придется играть... Поэтому каждый артист хочет сам ставить, сам дергать за ниточки.

Ну, это тривиально, из этого много не сделаешь. Пора идти ва-банк:

— Тамара Леонидовна, сейчас разное печатают... Многие считают, что вы Валентина Ивановича до сих пор... как бы... любите. Или не можете простить?

— Измену простить можно. Предательство — никогда.

— А в чем разница?

Все просто классно, теперь пойдет всякая философия-психология, вроде бы о том, о сем, но из этой байды столько можно вытянуть, Алик, шеф дорогой, закачается! И тут, как назло, завыл мой мобильник: «The phantom of the opera is there, inside my mind...» Ну откуда ты взялся, Славик! Не сейчас!

— Лена, кажется, вас призрак ищет!

— Я же вроде отключала... Сорри.

Потянулась к сумке и выпустила ее из лап, когти разжала!

А дальше началась дешевая мелодрама. Диктофон из кармана падает, пациентка ловко хватается его, пьется к письменному столу, нащупывает в ящике пистолет и целится прямо в лицо. А еще говорила, что сериалы не любит! Хотя это сейчас, со стороны и через время, все выглядит нелепо и пошло, а тогда я, честно сказать, струхнула. Поди ее знай, а вдруг он у нее и правда стреляет? Пистолет в руке не дрожит, лицо под зеленой маской застывшее, только глаза сверкают — куда там призраку оперы!..

Татьяна

Вначале она мне показалась просто неприятной, не более того. Все рассматривала, все фотографии прокомментировала, к Жоржику полезла и опять его разбудила, он завел свое: «Тома любит Таню!».

И защebetала: — Когда роли учите, за вами повторяет? Я читала: маленькие попугайчики лет пятнадцать живут, а говорящие — до ста...

— Роли не успевает запомнить. А живут долго, если лишнего не сболтнут...

Подумала, что массажистка попалась болтливая, меня всегда это раздражало: почему-то массажисты, парикмахеры, косметологи считают своим долгом развлекать клиента. Ну, когда интернета не было — это было к месту, а теперь лучше бы молчали и дали просто расслабиться. С другой стороны, было забавно, что она меня за Тому приняла, захотелось пошалить и поддержать мистификацию. Вот и доигралась... Сгубило кошку любопытство. Или хорошо, что доигралась?

Господи, да вот они все здесь — на сцене, в зале — все игроки, профессиональные, кто артист, кто министр, кто журналист... Военный оркестр грянул, и никого не смущает, что юбиляр армию знает только по выступлениям перед личным составом провинциальных военных частей, да и то — в молодости, сейчас он туда уже не ездит, калибр не тот. Но, кажется, мне одной в этом зале неловко за фальшивость ситуации, все вполне удовлетворены, вот и Тамара воспринимает все как должное. Что ж за день такой, непрерывное смешение жанров!

С того момента, как у нее выпал диктофон, события стали развиваться словно в двух измерениях. В одном из них начался ужасный мыльный сериал вперемешку с индийским фильмом.

Сама бы я такой текст ни за что не написала бы, постыдилась, но, на мою беду, текст писался сам. Я всю жизнь работаю с текстами, мало кто так же хорошо, как я, знает, как они строятся. Я теоретически всегда понимала, что в жизни бывает все, а в тексте — очень даже не все, у него есть свои правила. И, как мне казалось, всегда умела отличать текст от жизни и соблюдать законы жанра.

Но вот жанр, причем жанр самой банальной мелодрамы, становился реальностью, превращался не просто в жизнь, а в мою жизнь, и я ничего не могла с этим поделать. Я ловила текст на неувязках, пыталась превратить его в игру, но он сопротивлялся и больно бил меня своей правдивостью. Я пыталась вырваться из этого бездарного реалити-шоу — и не могла.

Словно со стороны я видела себя, пятидесятилетнюю интеллигентную женщину, которая за всю свою жизнь ни разу никого не ударила; видела, как моя рука шарит в ящике письменного стола и появляется оттуда с пистолетом. В другой ситуации я никогда бы не вспомнила, что он там есть, но сейчас он будто сам прыгнул мне в руку. В страшном сне я не могла бы представить себе, что буду целиться в человека — но вот, целилась. Я сама еще не понимала, что делаю, но девица испугалась. И только увидев страх в ее глазах, я поняла, что это реальность.

Вроде бы простое и понятное решение: передо мной воровка или аферистка, вызываем полицию, незаконное проникновение в квартиру со всеми вытекающими подробностями и последствиями. Если воровка — все ясно, если аферистка — в чем суть аферы? Объясняет неубедительно:

— Ой, я работаю в медицинском центре, делаю массаж, хожу в театр, мечтала с вами пообщаться, а тут Надежда Михайловна заболела и попросила подменить.

— А диктофон зачем?

— Подруга в газете работает. Сказала: если получится разговорить вас на кассету — хорошо заплатят.

Господи, ну как же можно? Разговаривать по душам, вопросы задавать — а потом торговать этим?! Выгнать ее вон!

— Совести у вас нет! Убирайтесь!

Но смотрите-ка, эта овечка держит удар, у нее, видно, только шкура овечья, огрызается:

— Не напрягайтесь, уйду. Только у меня последний вопрос — без диктофона. А у вас с совестью все нормально? Вы, значит, жертва предательства? Возмущаетесь, что ваш сын хочет развестись и бросает ребенка. А когда двадцать пять лет назад вы увели Платонова от беременной жены? Как тогда у вас было с совестью и порядочностью?

В первый момент я смешалась. Я? Платонова? От беременной Тома? Я от удивления даже пистолет опустила. Стоп, но ведь я — не я, я и есть Тома!

Вдруг я, как говорит Тома, «поймала кураж», мне вдруг стало весело и даже смешно играть дальше, что-то еще эта Лена-Елена придумает! Текст опять пошел неоригинальный: Платонов был женат гражданским браком, бросил беременную

жену, негодяйка-разлучница — я (то есть Тамара Трегубова). Смешно! Ну и что, да, я привезла Платонова из Куйбышева, и что? Не было у него никакой жены. Чушь!

— А письмо, которое вы маме из столицы прислали, когда Платонов к вам уехал? Тоже чушь? Почерк у вас с возрастом не изменился? Узнаете?

Старый листок, потертый по сгибам. «Маша! Я очень прошу — не звоните в театр. Вы же хотите Валентину счастья? С его талантом ему нечего делать в провинции. В вашем Куйбышеве он сопьется. А здесь состоится как актер. Мы с Валей любим друг друга, оставьте нас в покое. Тамара». Да, это Тамара. Странно, мне она никогда об этом не рассказывала. Но об этом я подумаю завтра. А сейчас нужно отшить эту наглую девчонку:

— И что было дальше? Ваша мама сделала аборт?

— Нет. Родила.

— Мальчика, девочку?

— Как видите, девочку.

— А Валентин Иванович знает о существовании наследницы?

— Пока нет.

Наглость несусветная! Но не на такую напала, детка!

— Дорогая, а вы не сочиняете? Только что были массажисткой. Потом оказались немножко журналисткой. Теперь — незаконная дочь известного человека. Вы навязчивыми идеями не страдаете? У меня знакомый — главврач в психушке. Может, вам не милицию, а санитаров вызвать? Чего вы хотите? Интервью взять? Или наследство получить? Так это — не ко мне. С этим — в театр. К вашему, как вы утверждаете, отцу. И анализ ДНК не забудьте. Что вам от меня-то надо?

Есть такая детская загадка: «Сидит дед, во сто шуб одет. Кто его раздевает, тот слезы проливает». Юная Елена представилась мне такой вот луковицей: снимешь одну чешуйку — а под ней другая. Но я тогда еще не поняла, что этим чешуйкам несть числа, и слезы проливать придется долго. Может, всю жизнь...

Теперь она уже оказалась не просто аферисткой, а действительно журналисткой, и подруга здесь ни при чем. Удостоверение показала. Да, журналчик еще тот... напоминает веревку, на которой грязное белье развешивают. Желтая пресса. «Неизвестное об известном», принародное вытряхиванье этого самого грязного белья.

Для юбилея Платонова откровенности бывшей жены действительно находка, а ведь Тамара принципиально по этому поводу интервью не дает. Отсюда и афера с Надеждой Михайловной.

— Так это я вам, самозванке, свою шею доверила?

— Не переживайте, Тамара Леонидовна, я на самом деле окончила курсы массажа, когда еще в университете училась.

И ведь не смущается, в лицо смотрит и улыбается. Нехорошо улыбается...

— Интересно было вам в глаза посмотреть. Послушать, что скажете. Я, может, всю жизнь мечтала к вам прикоснуться. За горло... простите... за шею подержать. Ладно, я пойду. Извините, что так вышло.

Зачем я ее остановила? То ли вправду хотелось наказать за наглость, то ли не могла уже противиться законам жанра, по которым зло должно быть наказано, а добро должно быть с кулаками или, как в данном случае, с пистолетом в руке.

— Я вас не извиняю. Сядьте. Давайте я, пользуясь случаем, у вас интервью возьму... Без диктофона. Что еще неизвестного вы узнали... про известного?

Откинулась на спинку стула, самоуверенности не теряет:

— Материал выйдет — я вам обязательно экземпляр передам.

— Это я вас сейчас передам — в милицию. Рассказывайте, пока я не позвонила. Поделитесь, что вы на родителя накопили? В чем смысл вашего материала? Осмыслить его творчество? Или сделать больно ему и близким — и этим поднять тираж?

— Народ хочет знать, как выбиваются из грязи в князи. Мелочи, детали... То, что роднит простых людей с теми, о ком каждый день говорят и пишут. Нашей аудитории на Гамлета в исполнении Платонова, простите, плевать. Им интересно, как он повел сына в детский сад в тапочках. Когда на улице было минус двадцать.

— Да, каждый зарабатывает, как умеет... Но этот жареный факт вам тираж не поднимет.

Однако она сдаваться не собиралась:

— Да? А то, что Валентин Иванович одно время пил по-черному?

— По-черному? Выпивал, как все.

История была слишком давней, о ней никто не знал. Сережа надавил на свои связи и сделал так, что информация стала абсолютно закрытой. Мы все тогда тяжело это пережили...

Тамара в Питер на гастроли уехала, а Вале чудиться стало, что она в соседней комнате. И не одна... Молоток схватил и кинулся ее искать. И Славик с ним совсем один, ему тогда всего десять лет было. Потом к соседу ломиться начал, дверь ему разбил. К счастью, того дома не оказалось. Славик нам позвонил, но пока мы доехали, он уже скорую вызвал, все объяснил. И молодец, догадался отцу сказать, что вроде у него аппендицит болит... Чтобы тот, увидев белые халаты, не порубал санитаров на капусту.

Мы вовремя подросли. Валентина, благодаря Сереже, забрали в закрытую психушку. Он после этого полгода со Славиком не разговаривал — обижался, что тот родного отца в дурдом сдал. Но урок даром не прошел, к водке он больше не возвращался.

А Славик видно из-за сплетен, которые по школе ходили, с одноклассником сильно подрался, пришлось его в другую школу переводить, она была как раз возле нас, так Славик опять к нам почти переселился... Так что пьянство Платонова в особо крупных размерах — вещь недоказуемая.

Но моя визави под прицелом пистолета выкидывает козырь, как карточный шулер:

— Как все? А «белка»? Белая горячка. У вашей сестры муж очень влиятельный, а то была бы Валентину Ивановичу... и белка, и свисток. То есть «белка» была. А вот от «свистка» его отмазали. Я это из первоисточника знаю.

Неужели Валя разболтал? Он перед юбилеем просто купался в лучах славы, направо и налево раздавал интервью, иногда лишние, но не настолько же!

— Вам Платонов этого рассказать не мог.

— А мне другой Платонов рассказал. Славик.

Как это в боксе называется? Хук или апперкот? Мастерский удар, ничего не скажешь. При чем здесь Славик, не трогай его! А она сидит, нога за ногу, и наблюдает, как я, с пистолетом под мышкой, бреду к бару, наливаю вина и залпом осушаю стакан. Наверное, зрелище и впрямь было комичное... Поворачиваюсь, вижу ее довольную улыбку и все понимаю. Чудны дела твои, Господи!

— Так вы — та самая журналистка, с которой он...

— Да. Та самая журнашлюшка, — с вызовом, и носком туфли поигрывает.

Стоп-стоп-стоп, а теперь спокойно... Вина, извини, голубушка, я тебе не предложу, но еще глоток, и у меня в голове вроде бы проясняется. Неувязочка выходит!

— Милая, а вам и в самом деле нужен психиатр. По вашей версии, вы за своего сводного брата замуж собрались.

Но она ни капельки не смешалась:

— С чего вы взяли?

— Ну Славик же объявил жене, что разводится! Что у него большая любовь!

— Любовь большая. Но с чего вы взяли, что мы — брат и сестра? Вы-то знаете, кто его отец! Ну уж точно — не Валентин Иванович!

— Что???

Предполагался, по-видимому, окончательный нокаут, но это было бы уже слишком даже для индийского фильма. Сейчас объявятся тайные дети, Зита и Гита... Нет, ну должно же быть какое-то чувство вкуса даже у этой пираньи пера! На какой помойке она такое собирает? Все, дорогуша, заигралась, переиграла лицом...

Елена

Алик сказал: «Ну, Ленка, это твой шанс! Делай бомбу!» И я почувствовала себя академиком Сахаровым, создавшим водородную...

Свежий материал по Платонову открылся неожиданно. Готовились к юбилею, Алик даже в Самаре командировки не пожалел. Ездил Галка, привезла не просто историю молодого дарования, расцветшего на провинциальной почве, а горячую историю про брошенную гражданскую жену. Она до сих пор работает, как-то ее Галка разговорилась, обиды старые припомнила, та ей даже письмо от Тамары Трегубовой дала. Жест, а не материал! Но тут Галка отвалила, просто уехала со своим финном в страну Суоми. Ей, конечно, совет да любовь, а мне настоящее журналистское расследование. «Там, в Самаре, у этой бывшей жены дочка есть, то ли Платонова, то ли нет, но можно жарить. Да и местного, трегубовского сына не забудь, может, что добудешь», — наставлял Алик, отправляя меня в свободное плавание.

И что же, бомба у меня получилась на славу, есть чем гордиться. Пока только сестры Трегубовы ее заценить могут, если, конечно, Татьяна уже все рассказала. Хотя, вряд ли. Не сидели бы они сейчас в театре как шерочка с машерочкой, образец сестринской любви и единения. А там, кто знает, она же актриса, Тамара Трегубова, а сестрице ее выдержки не занимать, это уж я точно знаю, под прицелом, хоть и газовым, постояла.

Так что со Славиком я по заданию редакции познакомилась. Остальное — личная инициатива. Вот взяла и втрескалась. Как кошка. Почему говорят: «как кошка»? Это вроде бы как низко, похотливо. Почему собачья преданность — хорошо, а кошачья любовь — плохо? Собакам, по-моему, все равно, кого любить, лишь бы хозяин был, а кошки в этом смысле очень избирательны. Кошка за свое сражаться будет. И я буду, Славик того стоит.

Когда шла брать у него интервью, думала — избалованное дитя. А оказалось — нервный ребенок знаменитых родителей. Хотя он и родителей-то не особо видел. Платонов — на гастроли, Трегубова — на съемки... Воспитывала Славика в основном тетя Таня. У которой своих детей не было. Один ребенок на две семьи... А у семи нянек известно, что с дитем бывает. В этом смысле, как ни странно, мы со Славиком похожи, хотя у него вроде бы было все, а у меня ничего.

Но что у меня в челябинском детдоме, что у него в московских квартирах — не было главного. У человека должны быть одна мама и один папа. Именно в таком раскладе, каждого по одному. Когда больше — это уже перебор. И не важно, кто это — любящие дядя-тетя или воспитатели детдома, даже самые замечательные (здесь мне везло, нечего Бога гневить, какие они, другие детдома, бывают, потом посмотрелась, а в Челябинске было здорово!).

Как это говорил мой бывший, Степанов? Синергический эффект. Это когда $1+1 > 2$. Только это в его экономике так, а в жизни, во всяком случае семейной, это эффект наоборот, $1+1 < 2$. Две семьи хуже одной.

Так что ехала к мажору, а нашла... Нет, внешне все как надо, мажор как мажор: торговля раритетными автомобилями, даже музей антикварных машин есть, причем все на ходу, сам упакован соответственно. Стыдно было свою Тойоту, 1989 год выпуска (еще ездит!), парковать. Наследство от Степанова, с паршивой овцы... А

он увидел и так весело, как мальчишка, рассмеялся: «Это вы прямо новый экспонат привезли! Может, поменяем?» Я, конечно, огрызнулась: «Ни за что!» Дело принципа, не нужно меня покупать. Пусть ездит Тойота. Пока ездит... Но не обиделась, потому что было понятно, что обидеть он никак не хотел. И пошло-поехало...

И чем больше его и про него узнавала, тем больше влюблялась, и тем больше общего у нас находилось. Даже день рождения рядом: он за один день до високосного двадцать девятого февраля, я — через один, первого марта. Легко запомнить, в этот день народольцы царя-освободителя убили. Говорят, приличный дядька был. Не повезло. В общем, обоим удалось критическую дату проскочить и вырвать себе день рождения каждый год, а не один раз в четыре. Вот как-то за это и зацепилась, и вляпалась — просто в расследование мисс Марпл. Нет, куда ей, старушенции, у меня просто блеск получился! О котором Славику знать не надо. Пока не надо. Но зато каким козырем мне это казалось для Тамары Трегубовой. Я думала, что для Тамары...

Короче, что вышло. Сличение дат и гинекологических процессов. Если мы со Славиком практически одновременно родились, то... Гастроли в Куйбышеве-Самаре, где познакомились Платонов и Трегубова, были на два месяца позже, чем момент зачатия! Хотя, конечно, свечку никто не держал, но дети обычно рождаются девятимесячными, посчитать нетрудно. Впрочем, ребенок мог родиться и семимесячным, при нервной работе это случается. Тут сенсацию не откопашь.

Но я откопала! Карточку в женской консультации: врач определил беременность шесть недель, и было это за неделю до гастролей в Самаре. Причем все по-честному, без подлогов! Понятно, сейчас кто угодно на старом бланке корявым почерком пару строк нацарапает — вот и готов документ для публикации. Да и врачу районной консультации, на пенсии, сто долларов — за счастье. И многим действительно все равно, что сочинить, лишь бы жареным пахло.

Но не мне, это тоже принципиально, как Тойота восемьдесят девятого года — все честно, доказуемо, с настоящими документами и свидетелями. Я и врача нашла, она подтвердила. И совсем не старуху на пенсии, а доктора наук, завотделом в НИИ акушерства и гинекологии. Не все должны быть бедными пенсионерами, кто-то и в академики вышел.

Она тот случай, кстати, запомнила. Это потом уже узнала в знаменитой Трегубовой свою давнюю пациентку, а тогда запомнила потому, что очень уж рыдала у нее на приеме молодая красавица и о немедленном аборте умоляла. Это, конечно, во врачебной практике бывает, но, наверное, не каждый раз так артистично.

А потом исчезла. Это тоже бывает, иногда будущие мамы вовремя одумываются. Чего ж ей было не одуматься. Когда вовремя Платонов подвернулся. А в консультацию можно было и в другую перейти. Я обратила внимание, что на фотографии с кульком-младенцем в руках табличка Красногорского, то есть подмосковного роддома: «Это мама, это тетя Таня и дядя Сережа, а отец был на съемках», — объяснял Славик ($1+1+1 < 2!$ Синергия наоборот!)

Да, но кто же тогда отец? А это — кульминация неизвестного об известном! На это у меня ушло два месяца. Но результат — супер!

«Yo, yo, come on!» — поздравления от театров, молодежь читает рэп. Здорово читает, смешно, наконец-то что-то веселое, а то просто тоска на это облизывание юбиляра смотреть. Come on baby! — наш юбиляр на гастролях, весь мир объездил! Come on baby! — и мюзик-холл в Узбекистане организовал! Come on baby — программы для театра лилипутов писал!

Вот что московская слава делает, где уж тут было сыном заниматься да за женой следить. Впрочем, тогда, в давние времена начала восьмидесятых, был наш Платонов провинциальным артистом, да и Тамара ему еще не жена была.

И, как свидетельствует проведенное расследование, был у нашей Тамары Трегубовой роман, аккурат за шесть недель до посещения врача. Восемьдесят третий год. Андропов. Борьба за трудовую дисциплину, рейды по кинотеатрам и парикмахерским. Тогда с отгулами строго было.

Она взяла отпуск за свой счет, на пять дней, и в Юрмалу. Советская граница, Балтийское побережье, модный курорт, не какая-нибудь строгая, номенклатурная Ялта. Все нормально. А потом телеграммой еще попросила продлить на пять дней, в связи с болезнью. Тоже вроде никакого криминала. Но я дотошная, не поленилась, поехала. Вдруг удастся узнать, с кем же это она в Прибалтике болела, а через месяц с лишком в женскую консультацию пришла?.. Думала, легко все выясню: телеграмму отправили из гостиницы «Юрмала», там почтовое отделение было. А латыши — они же педанты, аккуратисты... Короче — европейцы! У нас бы уже все давным-давно выбросили! А они — хранят. И книгу записи постояльцев — тоже. Дали ее посмотреть. И я нашла! Но вот сюрприз: оказывается, в Юрмале отдыхала не Тамара Леонидовна, а Татьяна Леонидовна Трегубова, да еще с мужем, Сергеем Андреевичем. Я расстроилась ужасно. Ну, жили они в отеле. А Трегубова в это время в Юрмале отдыхала, может в частном секторе, там уж никаких документов не найдешь... Наверное, к сестре в гостиницу зашла, оттуда и телеграмму дала... Совпало. Другая бы на этом успокоилась, но не я! Я из Юрмалы сразу не уехала, а позвонила в редакцию и попросила о Татьяне Леонидовне справки навести. И оказалось, что она...

Она тогда работала в «Иностранной литературе», переводчиком. Контора солидная, старые бумажки берегут. Нашли ее личное дело. А в нем — характеристика-рекомендация на командировку в Швецию. И срок указан — апрель восемьдесят третьего. Интересно получается: и в Швеции в командировке, и в Юрмале с мужем...

И тут Эркюль Пуаро включил свои маленькие серые клеточки и все понял! На самом деле Татьяна Трегубова в апреле восемьдесят третьего года гуляла по Стокгольму, а в Юрмале в одном номере с Сергеем Андреевичем жила тоже Трегубова, но Тамара! Но это невозможно, тогда, в советские времена, в гостиницах общественную нравственность блюли, нерасписанных вместе не селили! Стоп, но фамилии-то у сестер одинаковые, ни одна фамилию мужа не взяла...

И представилась мне такая картина: интеллигентная супружеская пара из столицы, молодая жена рыдает — паспорт украли (оставила в багаже, а его в аэропорту найти не могут, забыла дома, возможны и другие варианты), но есть удостоверение, артистки, между прочим, московского театра. У мужа, Сергея Андреевича, в паспорте — штампик, что зарегистрирован брак с гражданкой Трегубовой. А у жены паспорта нет, и штампика нет, но в ее удостоверении и в штампике у мужа инициалы совпадают!.. Как вы думаете, будущей заслуженной артистке сложно такую сцену сыграть? Да на раз!

Но это, как говорится, улики косвенные. Нужно точно знать, что Татьяны Леонидовны в Юрмале не было, что она свою командировку не отменяла. Надо бы проверить, поехала ли Татьяна в Швецию. Я представила себе лицо Алика, если я только зайкнусь об этом! Он мне и так за Юрмалу чуть мозг не вынес, нет, мол, у нас возможностей запросто по заграничным командировкам мотаться. С другой стороны, я уже в Шенгене, могу и в Швецию проскользнуть, были бы еврики, но их-то и было в обрез. Да и что в Швеции делать? Искать старые гостиничные книги

во всех отелях Стокгольма? Сложно и дорого. Но настоящий профессионал силен не только опытом, умением и знаниями, он силен своим фартом! И мне повезло! Доказательства нашлись в Юрмале.

Нужно только уметь с людьми разговаривать. А латыши, они хоть и с гонором, но деньги всем нужны, да еще в несезон. Короче, есть там один фотограф, местная знаменитость. Классный дед. Он и тогда уже, наверное, пожилой был, но предусмотрительный. Вот как помогает европейская аккуратность на старости лет коеечку (да нет, евроцентик, а точнее вполне полноценные последние евро из моего кошелька) добыть. Если у него фото сразу не забирали, он снимки и негативы не выбрасывал. Вдруг в следующий сезон приедут и захотят взять? У него трехкомнатная квартира. В одной комнате — кладовая, где все это хранится. Вот так мне повезло... Да и ему тоже.

То есть разыгрываем знаменитую сцену Остапа Бендера и старика Коробейникова из «Двенадцати стульев» («Ах, это память о моих родителях!») и далее по тексту; только мне, в отличие от Великого комбинатора, заплатить пришлось), находим в архиве фотографию с негативом, а на ней — Рижское взморье и Тамара Леонидовна с Сергеем Андреевичем, молодые и веселые, за руки, как первоклашки на прогулке, держатся и смеются... Честно говоря, очень красивая пара, даже позавидовала.

Вот так. Все тайное становится явным. Так мирный атом превращается в Армагеддон. Пока — «мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути»... Славик у еще ничего не говорила и, если все будет хорошо, не скажу. Честно говоря, не думала, что придется вот так это сегодня на голову Тамаре Трегубовой вывалить. Однако пришлось. И не одной Тамаре, как оказалось.

Татьяна

Юбилей перевалил за середину. Так всегда бывает — вначале юбиляра начинают всячески представлять, потом расхваливать и постепенно забираются все выше и выше, все больше и больше теряя чувство меры. В этой части юбилей похож на гражданскую панихиду. Пока наконец не начинаются поздравления от театров, а среди коллег, к счастью, всегда находится умный человек, которому удается охладить этот пыл. Вот вроде бы и поздравления, но как-то с другой стороны, и возникает чувство естественности, ирония и хорошее театральное шутствово опускает всех на землю, официоз переходит в капустник. И снова больно: хор детей артистов, казалось бы — трогательно, но в первом ряду солирует сын Валентина и Прониной, поет фальшиво, но все в умилении. Звезда с детства, восторг зрителей получает в наследство от родителей, а не за дарование и собственные заслуги. Тоже Славик, только не Вячеслав, а Святослав. Зачем Платонов так его назвал? Славик, наш Славик, никогда не был театральным ребенком, а этого просто тянут на сцену за уши. Наш Славик? Чей он теперь, Славик, как разобраться?

— Что?? — закричала я, когда Лена-Елена стала трясти своими бумажками.

Как говорят в романах, возмущению моему не было предела.

А она стала вываливать на меня нечто совершенно немислимое. Абсурд раскручивался со скоростью тайфуна, меня словно закрутила воронка водоворота, втягивая все ниже и ниже, до самого дна, где я уже неизбежно разобьюсь об острые камни. Бой с тенью, вот как еще это можно назвать. Как во сне, когда пытаешься защититься от нападающего на тебя чудовища, а рука проходит сквозь него, не причиняя ему вреда, и его ухмыляющаяся морда вновь собирается перед тобою из клубов дыма. Самым абсурдным было то, что чудовище было не страшно, а

пошло, и в другое время было бы достойно лишь насмешки. Впрочем, как я теперь понимаю, инстинкт меня не подвел: сарказм — вот единственное, чем можно было обороняться от наступающего абсурда, который, по мере нашего диалога, приобретал черты уже не просто дешевой мелодрамы, но и не менее дешевого детектива. Интересно, мелькнуло в голове, в каком жанре все это закончится?

Вначале выяснилось, что я (то есть Тамара) была беременна до встречи с Валентином. «Это недоказуемо!» — «А вот вам выписка из поликлиники, а вот еще — копия гастрольной афишки; как говорится, все ходы записаны». — «Ну и кто же отец?»

С каждым витком сюжета эта молодая акула нагнала все больше и больше:

— Вы знаете, мне даже нравится, что вы повторяете этот вопрос. Вы-то сами отлично знаете, кто отец. Значит, вас волнует, знаю ли об этом я? И еще кто-то. Или не знает... Тамара Леонидовна, вина не нальете? Что-то в горле пересохло. Говорю много. Только пистолет уберите, ладно? Он же у вас ненастоящий. В лучшем случае газовый. Потом целый день квартиру проветривать... Убийства при отягчающих обстоятельствах не получится.

— Чем это они отягчающие? В Америке говорят: «Убил — затащи труп в свой дом». Жилище неприкосновенно. Зашла, увидела воровку, разнервничалась... Тут — смягчающие, а не отягчающие. А без вина обойдешься. Я представляю, как у тебя после него фантазия разыграет, если ты на трезвую такое несешь. Так что лучше рассказывай. Пока мне еще интересно слушать. Так кто же отец Славика?

— Спасибо, что перешли на ты. Это сближает... По-семейному... Жаль, что без брудершафта. А если угадаю — нальете? — Она сделала глубокий вдох и на выдохе произнесла: — Сергей Андреевич, муж вашей сестры.

— Ты с ума сошла! — Я засмеялась, но смех прозвучал странно, я услышала его словно со стороны и поняла, что сейчас она не должна видеть моего лица. Даже под косметической маской. Я отвернулась. На гладильной доске лежало мое платье, приготовленное к выходу. До начала всего этого бреда я думала пригласить подол, он замялся в шкафу. Да, действительно замялся. Утюг в спальне. Наверное, я показалась ей сомнамбулой, когда молча встала и вышла.

Говорят, что за мгновение до смерти перед глазами человека проходит вся его жизнь. Не знаю, что будет со мной за мгновение перед смертью, но, наверное, те, кто это утверждает... Хотя, опять же, недоказуемо, никто оттуда не возвращался и уж точно рассказать за это мгновение не успел. Но миф красив.

Я стояла на краю пропасти, под ногами с шуршанием осыпались камешки и беззвучно падали куда-то вниз, где дна не было. Дурной фарс становился страшным, мой сарказм пасовал перед ним. В голове проносились бессвязные обрывки воспоминаний. Вот из детства: мы с Тамарой на школьном новогоднем утреннике, мама сшила нам одинаковые платья, на нас одинаковые маски, одинаковые банты в косах, мне это очень нравилось, думалось, что нас будут путать. Поэтому я старалась не улыбаться, потому что у меня была пластинка на зубах, а у Тамары нет.

У нее всегда были красивые зубы, лицо, руки, она всегда нравилась всем, и ей это ничего не стоило. Тамара танцевала, пела, ее первую, хотя я на два года старше, начали учить музыке. Потом мама спохватилась и отдала в музыкальную школу и меня, решив, видно, что могу обидеться. Но я ненавидела музыкальную школу, хотя дотянула лямку от звонка до звонка и документ о ее окончании через пять мучительных лет получила. А Тамара блистала — вначале в музыке, потом в театральной студии. Тамара считалась красивой и талантливой, я — умной; ею восхищались, меня уважали. Что не мешало нам любить друг друга. С детских лет ее окружали поклонники, она легко делилась своими девичьими секретами со мной и мамой; о моем единственном робком школьном увлечении, недолгом, хоть и на какое-то время взаимном, не знал никто.

И о Сереже после той елки в МИДе, где она в новогодней программе участвовала, она сразу всем рассказала — в ее коллекции дыхателей дипломатов еще не было. И тут же в общей компании познакомила нас. Милый, добрый, веселый и надежный Сережа!.. Рядом с ним мне было легко, можно было ничего не бояться, не стесняться, не подбирать слова. Мы часто были втроем, и было иногда непонятно, за кем, собственно, он ухаживает. Это не разъединяло, а, наоборот, сближало нас с Тamarой.

Все решилось также легко и весело. Он позвонил, сказал, что взял билеты на «Юнону и Авось» в Ленком. В этот вечер родители из отпуска возвращались; они не брали с собой ключи, надо было кому-то дома остаться, встретить. И мы с Тamarой бросили монетку. Выпало идти в театр мне. После спектакля мы долго-долго гуляли вдвоем, потом еще раз вдвоем, и еще... Когда я наконец рассказала Тамаре, она даже обрадовалась: «Жена-переводчик для мужа-дипломата... Самое то! Танюша, я бы никогда с ним не осталась, какая семья у дипломата и молодой актрисы? Карьерой никто из нас не пожертвует... А он тебя будет любить и ценить, поверь мне!» Я поверила. И ни разу не пожалела.

До дачи. Мы уже собрали для усыновления все справки, уже ходили в Дом малютки... И вдруг он запротивился: «Тата, а может, еще и у нас получится? Давай подождем...» Подождали. Еще врачи, еще надежды... «Сережа, тянуть больше некуда, возраст...» Он опять: «Подожди». А потом придумал эту дачу: сначала строили ее, потом обустроивали... Сережа ее любил, а я ненавижу. Она для меня как игрушка, которую мне вместо ребенка подсунули. Я не могла понять, почему он не хотел ребенка усыновить. А сейчас понимаю? Может, он все знал? Может, ответственности боялся? Но он никогда не боялся ответственности! А может, думал: вот-вот свой родится; врачи все время надежду оставляли — еще курс, еще курорт... Но он умел сам принимать решения! Да, сейчас уже никто правду не скажет. И вот осталась я одна. Ни мужа. Ни ребенка. Ни-ко-го. Каждую неделю прихожу на кладбище и спрашиваю: «Сережа, что же ты меня одну оставил?..»

...Я стояла в спальне с утюгом в руках. Впереди была пропасть, из-под ног уходила земля. Я переступила через нее и сделала шаг в комнату, где ждала эта двадцатипятилетняя девчонка, которая пришла в твой дом, Тамара, чтобы испортить тебе жизнь. Но портила ее мне.

Она удивленно подняла брови. Утюга испугалась? Не бойся. Сейчас не девяностые, я его по прямому назначению использовать собираюсь, хотя следовало бы... Механические движения глажки, есть чем занять руки, и можно не поднимать глаз.

— Ну, давай, рассказывай.

И она рассказала. Про десять дней в Юрмале (вот фотокопия телеграммы!), про мою первую командировку в Швецию (вот выписка из издательства!). Да, было, было, Швеция была, оттуда я привезла тогда самые первые рассказы Юхансона, но его так никогда в редакционный план и не включили... Про Юхансона она не знала, а про все остальное... Лучше бы не знала. Нет, тебе, дорогуша, в издании посolidней работать надо, не в желтушном журнальчике, вон как все задокументировано... Но пока это ерунда, пустые домыслы. Какая может быть совместная фотография, деточка, ты сама поняла, что сказала? Если такая конспирация, да не с кем-нибудь, а с мужем родной сестры!.. Кто же фотографируется в такой ситуации? (Глаза прикованы к безупречно выглаженному платью, нет сил их поднять.)

— На трезвую голову — никто. А вот если немного выпить... Да в прекрасном настроении... На свежем морском воздухе... Мы ведь не всегда правильно оцениваем масштаб событий. Да возьмите же, посмотрите!

Да, это они. Фотография черно-белая, но я хорошо помню это Тамарино платье, голубое в «гусиную лапку». И куртку Сереже я у Нины из славянской редакции купила, она ее из Польши привезла, ее мужу не подошла. Да, это они.

— Оставьте себе! Я еще напечатаю, негатив есть. Если понадобится... Вы были красивой парой. Жаль, что у вас не сложилось.

Интересно, если бы она знала, что я — это не я, то есть, что Тамара — это Татьяна, а перед ней не палач, а жертва, она продолжила бы избиение?

— Пойду маску сниму. Пора. Подожди меня, есть еще дело.

Она согласно кивнула. Конечно, она чувствует себя хозяйкой положения! Но и в моей голове вдруг стало пусто и ясно. Ноги сами понесли меня в кухню, руки достали тарелку, сыр, печенье, а мозг с четкостью часового механизма прокручивал варианты. Так, обо всем, что я сейчас узнала, я подумаю потом, а сейчас нужно сделать так, чтобы об этом знала только я. Это мое и только мое дело, прессу нужно исключить, ведь есть еще Славик, Платонов и Тамара. Сережи уже нет... Или я была единственной, кто ничего не знал? Но и об этом, по завету Скарлетт О'Хары, я подумаю завтра. А пока я цеплялась за надежду, что она всего лишь шантажистка, значит и договариваться с ней нужно, как с шантажисткой.

Когда я вернулась с подносом и поставила на стол второй бокал, она восприняла это почти как должное:

— О, от вина не откажусь! Вы же хотели маску снять.

— Не время еще.

— Двор у вас такой уютный, столько зелени, прохлада... Ни одной машины... Я тут осмотрелась, пока вас не было...

Кто бы сомневался! Лучше бы ты меньше осматривалась. Или, наоборот, поосмотрительней была...

— Потому и уютный, что машины не впускают. Садись за стол. Я-то на прием, там фуршет, а ты, бедная, на работе...

— Да ничего, спасибо, мы привычные... Хотя не откажусь. Журналиста, как волка, ноги кормят. Он всегда ищет...

— Чего не потерял, — парировала я и налила бокалы.

Она пропустила колкость мимо ушей и тоном светской беседы продолжила:

— Вы знаете, я поняла, что необычного в этой овечке. — Обернулась к Томиной картине, которая висела на стене среди фотографий, совершенно не вписываясь в них. Противная такая овца, мне никогда не нравилась. — У нее глаза волчьи.

Неужели? Я подошло к стене. И правда, как я раньше не замечала...

— Да, ты права. Странные глаза. Хищные. Знаешь, все мы палачи или жертвы... Часто одновременно... И в каждой конкретной ситуации роль для себя выбираем сами. Возможно, я ошибаюсь... — Мы подняли бокалы. — Ну что? За знакомство? Не могу сказать, что приятное, но не скучное...

Выпили не чокаясь. Похрустели печеньем.

— Лена, — начала я, — а может, такой скандал никому не нужен? Если садистских наклонностей нет... может, есть смысл обсудить бюджет твоего предложения? Материальную составляющую скандала.

В первую минуту мне показалось, что она обрадовалась, и я облегченно вздохнула. И в тот же миг поняла, что обрадовалась она не предложению, а еще одной моей ошибке.

— Ну что вы, Тамара Леонидовна, — протянула она покровительственно, — порядочный журналист продается один раз. Так что вы опоздали... Впрочем, и мне нужен не скандал, а Славик. Не переживайте за публикацию. Нас с вами в школе обманывали: не все тайное становится явным.

— В смысле? Так ты не собиралась это опубликовать? А Славик здесь при чем? — Я опять ничего не понимала.

— Вот вы, Тамара Леонидовна, артистка, всю жизнь про любовь играете, а такие вопросы задаете. Я люблю Славика. И хочу быть с ним.

— Один философ вопрос «Быть или не быть?» заменил на «Быть или иметь?», — пробормотала я.

— Для меня со Славиком это одно и то же. — Без тени смущения, даже голову вскинула гордо.

То ли от вина, то ли от защемленного в шее нерва, который опять мучительно занял, то ли от всего происходящего, что вернее, у меня голова шла кругом:

— Прости, сейчас мне начинает казаться, что не ты, а я схожу с ума. Славик уходит к тебе, а потом на страницах журнальчика появляется вся эта грязь? Выдуманная, невыдуманная, но — грязь! Подписанная твоей фамилией? Или ты спрячешься за псевдонимом? Может быть, редакция поставила еще одну задачу? Написать материал, что чувствует человек, когда узнает, что его отец — не его отец. Что его мать — хищница, которая увела чужого мужа. Или это доставит тебе удовольствие?

Улыбнулась:

— Да нет. Я не садистка. И не мазохистка. — И совершенно серьезно, поделовому: — Если у нас со Славиком все сложится — никакой статьи не будет. Из редакции уволюсь вместе с материалом.

— А если не сложится?

И твердо, без тени сомнения в своей правоте:

— Тогда статья выйдет... Свои чувства надо защищать, как свой дом и кошелек в кармане. Иначе они ничего не стоят.

«Леночка, эсэмэсочка!..» — загнусавил телефон из ее безразмерной сумки, брошенной на полу.

— Извините, Тамара Леонидовна, — она начала рыться в ее содержимом.

«Леночка, говорю ж тебе, эсэмэсочка!» — не унимался телефон. Но даже в обычной дамской сумке телефон найдешь не сразу, а уж в этой... Тут подал голос и мой мобильник: «дилинь-дилинь», тоже СМС. Славик. Едет на юбилей. С Алиной. Помирились? Об этом не пишет. Только в свете последних событий — я должна радоваться или как? По-моему, меня загнали в угол...

Елена

Да слышу, что эсэмэсочка! Славик. Ну что ж, так — значит так! Я только что доказывала, что скандал мне не нужен, мне нужен Славик. Если это последняя гастроль, пусть сходит с ним еще раз, покрасуется. Если только опять его за нос не водит... Если... Все, хватит «если». Сегодня вечером посмотрю, как это выглядит, полюбуюсь.

Тамара свою почту тоже прочитала, чего-то растерялась:

— Лена, присядь, пожалуйста. У меня для тебя есть новость!

— А стоя нельзя?

— Сидя тебе будет удобнее. — И медленно, со значением, не торопясь, выделяя каждое слово: — Славик. Едет. К отцу. К Платонову... На юбилей... Со своей. Женой. Так что тебе торопиться некуда.

— Подумаешь! — я даже фыркнула. — Эту новость я переживу на ногах. Ей три дня. (Приврать не грех!) Если хотите, то я вам объясню: поход с женой на юбилей — одно из ее условий развода.

Она поморщилась и стала растирать шею. И, вот правда, мне ее так жалко стало. Вообще-то она мне нравилась. Вовсе не избалованная склочная баба, она вполне симпатичная, моя потенциальная свекровь!

— Что, болит? У вас там серьезно... Давайте закончу массаж, по-родственному, вы теперь все знаете.

— Опять хочешь меня за горло взять? — огрызнулась она. Молодец, еще и шутит!

— Исключительно за шею, и очень нежно. Если рискнете.

Она передвинула стул на середину комнаты, села, спустила халат. У нее были красивые плечи и изящная шея, почти девичья. Я тогда еще удивилась, мне она на сцене казалась более крупной, фактурной, не то что под пальцами. Эх, дурочка ты, Ленокча, слепая. Мы в детстве говорили — «слепошарая». Смешно...

Я почти расчувствовалась в этой семейной идиллии, и меня понесло:

— Тамара Леонидовна, простите за бабский вопрос...

— Остальные вопросы, по-твоему, были мужскими? — Вздрогнула.

— И все-таки... Сергей Андреевич знал о том, что Славик — его сын? Может, ваша сестра догадывалась, что он ей — не племянник, а сын ее мужа?..

Она рассмеялась, странно, со сжатыми губами. Из какой-то старой комедии: «Смех бывает сардоническим, саркастическим...» У нее был скорее сардонический, так смеются, когда у человека нечего отобрать, ему нечего жалеть, остается только смеяться...

— Знаешь, я начинаю верить в то, что ты — дочь Валентина... Сочетание комсомольского нахальства и ослиного упрямства!

А тут уж на меня смех накатил, только никак уж не сардонический:

— Правда? Вы реально считаете, что я на него похожа?

— Практически. А вообще — Санта-Барбара какая-то...

— Эх, жаль, что вы у меня диктофон отобрали! Я бы с Алика, главреда нашего, надбавку стрясла, за талант перевоплощения.

— Не поняла... — Она замерла под моими руками.

— А что непонятного? Я Валентину Ивановичу не дочь. Моя мама не была знакома с Платоновым.

— Как же они работали в одном театре и не были знакомы?

— Да не работали они вместе.

— Я ничего не понимаю. Ты действительно сумасшедшая? Я тебе еще и наливала! Ненормальным алкоголь можно? Ой, больно!..

— В малых дозах — в любом количестве! — Прочитировав живого классика, я поглаживающими движениями массировала ей косые мышцы шеи и втолковывала: — С Платоновым в одном театре играла Мария Кудина. Которой вы письмо писали... А мои родители погибли в автокатастрофе. Когда я была маленькой. Я в детдоме выросла, в Челябинске.

Она резко повернулась, сбросила мои руки и круглыми глазами из-под зеленой маски, которая уже порядком потрескалась, уставилась на меня:

— Значит, ты ВСЕ придумала?..

— Не-е-ет. Придумала я только про себя. А все остальное правда.

Ну, теперь массаж окончен, хватит ее дразнить, надо пойти руки помыть и пора, пожалуй, убираться. На дорогах пробки, можно и в театр опоздать...

Тамара встала со стула, но пошатнулась и неожиданно грузно оперлась на его спинку:

— Ты куда? Подожди, голова закружилась. Все перепуталось. Ты — не дочка, Славик — не сын... своего папы. Картина, в которой Гамлет узнает, что он сын Клавдия...

— Да вы сядьте, сядьте... — Пришлось довести ее до дивана и усадить, а то мне еще обмороков не хватало и оказания доврачебной помощи. — После массажа это бывает, прилив крови к голове и все такое... Я сейчас руки помою и, пожалуй, пойду...

— Лена, подожди... — Она театрально протянула ко мне руку. Артистка проснулась? Хотя, видно, ей и вправду фигово... — Ну а если бы диктофон не выпал?

Если бы ты сделала мне массаж — и благополучно ушла? А через месяц Славик решил бы меня познакомить со своей будущей женой... И оказалось бы, что ты недавно была у меня, почему-то — как массажистка. Ты об этом подумала?

Я начала складывать сумку. Халат, мобильник...

— Подумала. Я бы пришла к вам... Не с пустыми руками. — Тряхнула сумку, запихивая папку с бумажками. — Мы бы обо всем договорились... Как сегодня.

— И как ты себе представляешь?.. Встречаясь на семейных обедах, мы будем делать вид, что ничего не было?

О, вот уже о чем разговор! Честно говоря, я бы с радостью сидела с ней за семейным обедом. И не только из-за Славика. С такой, как она, — сидела бы!

— Конечно. У нас с вами станет больше общего. Кроме любви к Славику будет общая тайна. Вы же любите хранить тайны. Может, и мне понравится. А пока — я иду в театр. Одна. — Тут мне в сумке под руку попался билет. Помахала им: — Вот. Хочу досмотреть сериал до конца.

— Это тоже по заданию редакции? — устало съязвила она.

— По личной инициативе.

И только я собралась победно удалиться, в дверь позвонили.

— Посиди, я открою. — Она неожиданно резво вскочила, запахнула халат и почти побежала в прихожую.

— Таня, ты еще не собралась? И в маске!.. Мы же не на карнавал. Давай, скорее. Что за день? В пробку попала, потом лифт вдруг остановился. Минуту простоял. Ну, думаю, все... Привет послу...

Подружка, что ли, пришла? Ну, вот и слава богу, а то, честно говоря, мне стремно было ее одну оставлять, в растрепанных-то чувствах, уж почти сроднилась с нею... Почему она назвала ее Таней? Наверное, мне послышалось.

То, что за этим последовало — это «финал апофеоз», та-та-там! (в смысле судьба в дверь стучится), тень отца Гамлета и все другие приколы из классического репертуара! В соляной столб обратилась теперь не жена библейского Лота, а я. Вот это отплата за все потрясения!

— Тома, познакомься. Это Лена. Она пришла вместо Надежды. Замечательная массажистка. Шея уже не болит. Правда, сердце колоть начало... Лена — поклонница твоего таланта. Правда? Познакомься с Тамарой Леонидовной.

Слепешаря дура дурацкая Лена закивала, как китайский болван. А красавица Тамара Трегубова, заслуженная артистка и любимица публики, которая целый вечер взирала на меня с фотографий на стенах, даже взглядом не удостоила, бросила мимоходом «Здравствуйте... Я пока переоденусь» и проплыла в дверь налево!

— Леночка, сколько я вам должна?

Таким спокойненьким голоском... Если бы не зеленые ошметья на лице, можно, наверное, было бы увидеть, как щеки порозовели, глаза-то уж точно засверкали, куда усталость делась... Ах, Таня, Таня, Танечка, как же я могла перепутать! Две секунды видела их рядом, но ведь вот же, очевидно — и ростом она пониже, и формы пожиже, да и пластика не та... Я так и упала в кресло:

— Итак, она звалась Татьяной... Ни красотой сестры своей, ни свежестью ее румяной не привлекла б она очей... Предупреждать надо... Татьяна Леонидовна... — единственное, что я могла проблеять.

— Дотошная журналистка, а не выяснила, что у меня в квартире ремонт и я уже две недели у сестры живу. И потом, не только тебе нравится играть в кошки-мышки... Так сколько я должна?

Да, настал праздник и на ее улице. Она ликовала, но как-то не зловредно, а скорее весело, словно мы товарищеский матч сыграли, после которого противники обнимают друг друга и похлопывают по плечу: «Молодца-а!»

— За что? — еще ошарашенно выдавила я.

— Тебе виднее.

Она явно подначивала, вроде — ну, Ленка, давай... И я дала:

— Первый массаж делаю бесплатно. — В конце концов, умение проигрывать для игрока не меньше значит, чем воля к победе. Да и еще вопрос, кто из нас проиграл, а кто выиграл...

— Договорились, — легко согласилась она. — Рассчитаемся после второго. А сейчас извини, мы действительно торопимся.

— Диктофончик-то я заберу? А минеральной водички у вас на дорожку не найдется?

Она диктофон протянула и пистолет в ящик комода сбросила. Какой натюр-мортик разрушился — диктофон, пистолет, бутылка вина и два бокала на тонкой ножке, прямо обложка бульварного чтива!

— Давай лучше вино допьем! Нехорошо, когда в бокалах остается. — И она, ей-богу, заговорщически мне подмигнула. Нет, какова! Мои аплодисменты!

Она протянула мне бокал:

— Чокнемся на прощание.

— Чокнуться? С вами? Легко.

Я одним глотком проглотила вино, вытерла рукой подбородок, схватила сумку и убежала. Как дура с чистой шеей. И немытыми руками. В прямом смысле слова.

Тамара

Конферирует в честь дорогого юбиляра сам Гарик Серебрянский, холеный, белое одутловатое лицо, масляный взгляд, лаковые кудри и черная бородка на фарфоровом лице: без Платонова не было бы нашего театра, не было бы нашего кино, не было бы вообще ничего! А Валька сидит и, довольный, все это проглатывает. Поздравители все подобраны с пониманием, все, кто в обойме. Сабашников — пишет театральные пьесы для одного актера, сам их печатает, сам читает; пьесы ни о чем, как и поздравление, долгий разговор ни о чем, даже не очень остроумный. Сатирик с портфелем и животом — говорил долго и витиевато, с многозначительными паузами (чтобы публика посмеялась, как в старом армейском анекдоте — смеяться после слова лопата). Наворотил кучу таких лопат, зал вежливо похохатывал, закончил тостом: «За меня и за тебя, Валя!» И все опять засмеялись. Девочки-актрисулечки — канкан, ножки поднимают, «Ах, Валя! Ах, Валя!». И примадонна выплыла: «Для вас — Валентин Иванович!»

Да, лишний раз убеждаешься, что с точки зрения презентабельности — то, что надо. Не только в зале, но и на сцене — те, кто нужен и должен. Но это, видно, Таня виновата своими разговорами: она напомнила о Платонове молодом, легком, дурашливом, и больно видеть этот забронзовевший памятник самому себе. Вот я и бешусь, хоть это стыд и труд напрасный...

Таня фотографии по дивану разбросала, какие-то детские, со школьных елок, а потом те, где мы с нею студентками, а потом и Платонов.

— Тома, смотри, мы вдвоем с Валеј, я в его шляпе, а у него на шее мой шарфик... Шелковый, в цветочек, помнишь? Кажется, на мой день рождения дурачились.

Не помнила я никакого Таниного шарфика, да и зачем сейчас об этом? Неужели не понимает, что мне больно об этом вспоминать? Да и в посольство опоздать можно. А она гнула свое:

— Почему-то много фотографий, где я с Вале́й, а вот где ты с Сережей нет. Хотя одну я все-таки нашла. Не у тебя в коробке, у меня. Хочешь, покажу?

— Тань, мы опаздываем! Потом!

— Это быстро. — И ушла в спальню.

Я стала кулон искать, ящик выдвинула — а там пистолет. Что он здесь делает, я же его в письменном столе держу? Комичная мизансцена: Таня появляется с фотографией, а я к ней поворачиваюсь с пистолетом! Что за легкомысленность! «Я в столе блокнот искала, нашла пистолет, хотела рассмотреть, а потом кто-то позвонил, я отвлеклась... и положила не туда...» Оружие все-таки! Нет, Таня, не газовый, и если уж потом от него целый день квартиру проветривать, то не от газа, а от пороха, он вполне боевой! Платонову один генерал подарил, по пьянке. Я сразу отняла и спрятала. Таня ахнула: «И что, заряжен?!» — «Конечно. Я ведь одна живу. У нас в прошлом году к соседям воры пытались взлезть — ночью, когда хозяева дома спали, представляешь?! Я тогда зарядила и на предохранитель поставила».

Я про этот пистолет много чего могла бы рассказать. Про то, например, как я в Валю стреляла. Когда Милка появилась. Сколько у него до этого загулов было, но тут я сразу почувствовала... Вести себя можно прилично, а чувства не обманешь. Даже если ты народный артист. Он устроил покаянную сцену, думал из палача превратиться в жертву. И чуть не добился своего, я ему пулю в лоб пустила. Но по неопытности — мимо... Татьяна, помню, заявила, что, если бы признался в измене ее муж, она б стреляла не в него, а в себя. Что тут сказать? Когда стреляешь в другого, легче промахнуться.

Сцена тогда получилась, как из романа — выстрел в будуаре графини. Ну, пусть не в будуаре, а в спальне, но выглядело вполне театрально. Как же иначе, законы жанра нужно соблюдать. Он картинно расхохотался, а я ушла в ванную, заперлась и проплакала там до утра. Пулю мы потом из стенки выковыряли, стену зашпаклевали, но я до сих пор это место показать могу. После этого пистолет уже Платонов спрятал. Два года назад случайно нашла. В старой коробке от обуви. Но я этого Тани никогда не рассказывала, может, и не расскажу. О таких вещах не рассказывают, пока все не перегорит. А у меня до сих пор тлеет...

Так что ничего она об этом не знает, но погрустнела, села у зеркала, принесенную фотографию положила перед собой, медленно стала снимать ватным диском маску, пристально разглядывая свое лицо:

— А ты знаешь, что Каин убил Авеля, брата своего...

— Это сегодня в программе новостей сообщили? — сострила я, надо же поднять градус настроения.

— А детей у Авеля не было... — продолжала Таня, вглядываясь в свое отражение.

— Замечательно, сирот не осталось!

— Выходит, все мы внуки Каина...

Нет, ну это невыносимо! И так сегодня все нервы истрепали... Они сегодня все умом тронулись. Включили в парикмахерской телевизор, там интервью с Платоновым. Все уставились. Ольга стрижет — а сама на экран смотрит. И все ждут, как я буду реагировать. А я — молчу. Глаза закрыла — и молчу. Слушаю. Про мэра, который с бочонком меда придет.

Я тоже подошла к зеркалу:

— Тань, ты лучше посмотри, что там у меня на затылке? По-моему, Ольга мусса передала, топорщится, как ежик!

Она подвинула фотографию. Ладно, историк, покажи. Где это мы? А, в Сочи, тогда мы все вместе туда ездили, Сережа всех нас устроил в отличный мидовский санаторий. На фотографии я с Вале́й и Сережей, а посередине Славик, ему пять.

Или шесть? Видно, что стоять не хочет, так и извернулся весь. Да и фотография смазанная — фотографировала, скорее всего, Таня, пыталась поймать в объектив неугомонного Славика.

— Знаешь, — она встала и наклонилась через мое плечо, разглядывая фотографию. — Я недавно вдруг заметила, что у Славика некоторые привычки — точно как у Сережи. Например, когда нервничает — браслет на часах расстегивает и застегивает. Говорит — и при этом щелкает... А еще когда из дома выходит, перед зеркалом причешется и почему-то обязательно покашляет, будто говорить собирается... И только потом от зеркала отходит. Ты не обращала внимания?

— Нет, не замечала, — буркнула я. Дернула дверцу шкафа, она противно закрипела, я вывалила на диван, поверх разложенных фотографий, ворох шарфов и шалей.

Но она не успокаивалась:

— Я думала, какие-то жесты от родителей детям передаются, так сказать, по наследству...

— Это потому, что Славик у вас в доме практически вырос. Когда каждый день на человека смотришь, начинаешь его копировать и сам этого не замечаешь... Таня, что лучше — шаль или шарф? — я отчаянно пыталась перевести разговор, но она словно не слышала:

— Не знаю... Надень шаль. — И снова: — Вообще, Славик больше на тебя похож, чем на Платонова.

— Глаза — его. Нос — мой.

Шелковый шарф никак не хотел завязываться, скользил, да и к черту его, совсем не тот цвет!

— Да, глаза карие... У обоих супругов.

— Лучше бы он был меньше похож на своего папу! — Сдернула шарф, но он именно в эту минуту затянулся и больно, удавкой, резанул шею. — Нет, и шарф — плохо, и шаль ...

Я поняла, что, во-первых, сейчас разревусь, а, во-вторых, умру, если сию же секунду не закурю. Славик забыл у меня сигареты, я их от соблазна спрятала и сейчас судорожно пыталась вспомнить — куда? Точно, на кухне!

Руки дрожали, сигарета сломалась в пальцах, вторая никак не хотела вытаскиваться из пачки. Спички? Ну, где-нибудь на этой чертовой кухне что-нибудь можно найти?

Почему сегодня, почему сегодня? — билось в виске. И зачем? Зачем Таня подошла так непростительно близко к тому, что давно закрыто на ключ, так плотно, что уже почти забылось, да и не нужно об этом вспоминать, не нужно ничего объяснять, это так — и все... Она ничего не может знать об этом! Что я могла и могу объяснить Тане, такой правильной, такой бескомпромиссной, которая ни разу в жизни не ошибалась... Тане, которой я отчаянно завидовала, потому что она была самой умной, самой способной, самой талантливой...

Ее окружал ореол семейных легенд: Танечка сама в четыре года читать начала, потому что мама была занята Томочкой, а с Томиной энергией ни на что времени у нее уже не хватало; Таня в школе сама, по самоучителю, французский выучила, Таня вообще феноменально способна к языкам... Таня, Таня, Таня, образец для младшей, Томочки... Ум, честь и совесть, если уж не нашей эпохи, то уж нашей семьи точно... И зачем кому-то знать про ту давнюю весеннюю Юрмалу, куда сбегала от отчаяния, потому что все валилось из рук, ничего не получалось, про то, как мне не Федру, а Кормилицу дали (мне, в мои двадцать пять!), да еще и во втором составе! Как было пронизывающе одиноко, как хотелось внимания, тепла... И как сладко было случайно встретить Сережу, родного человека, такого

умного, надежного, понимающего... Как доказать, что не была я коварной соблазнительницей, которая решила разрушить счастье сестры, и что не мстила я за то, что Сережа выбрал не меня, хотя ухаживал за обеими... Права, сто раз права была эта треклятая еврипидовская Кормилица: «Ты женщина, и если ты могла быть честно не реже, чем нечестной, считай себя счастливой». Жизнь, Танюша, это не черно-белая фотография, это в спектакле все сверхзадаче подчинено, а кто знает, какая она в жизни, эта сверхзадача...

Прикурила от плиты, спичек все равно не найдешь, крошки табака на электрическом диске сразу превратились в пепел. Все, хватит, держи себя в руках, артистка Трегубова!.. Пепельницы я тоже все повыкидывала, когда бросила курить. Ладно, и чашка подойдет...

Таня, уже переодетая, опять сидела перед зеркалом, водила пуховкой по носу — как со всем, что она делала, она быстро справилась с макияжем. Чуть бледновато, но ей идет...

Все, что было дальше, — классическое аллегро последней части, быстрее, быстрее, еще быстрее, к катастрофическому финалу, к тому, что мы сидим сейчас в партере неподалеку от мэра, уже вручившего свой бочонок... И к тому, что будет еще дальше?

— Тома, я хотела сказать... — Таня развернулась ко мне. — Ты сядь, пожалуйста.

— Зачем?

— Это надо сидя выслушать.

— Что-то случилось? — Я села на кончик стула.

— Давай пойдем в театр.

— В какой? На что?

— На юбилей. К Платонову. — Спокойный голос, настойчивая интонация, как будто она уже все решила, как будто это не предложение, а уже свершившийся факт.

— Таня, ты что? С чего это я туда поеду? — почти закричала я.

— А почему нет? Очень удачно. Новую жизнь с понедельника начинают, а ты — с круглой даты! Юбилей — хороший повод помириться.

— Таня, что с тобой? Что произошло, пока я была в парикмахерской? Ты же еще вчера... еще сегодня утром телевизор переключала, когда про него говорили! — Я не могла поверить, что слышу это от нее, такой последовательной, разумной и предсказуемой.

— Ну, переключала... А потом села и подумала...

— На что это ты села?

— Может, мне такой массаж сделали — кровообращение улучшилось, мысли новые появились... Тома, ты сама подумай, столько лет прошло...

Я не дала ей договорить:

— Сколько лет? Все как вчера. Ты забыла? — Я срывалась на истерику. И как истерические припадки останавливают пощечиной, она хлестнула наотмашь:

— Тома, сколько лет ты еще будешь играть жертву?

— Играть?? — У меня перехватило дыхание.

— Ну извини, извини, я не так сказала... Конечно, ты не играешь... И все-таки — пора простить.

— Тань, ты сама мне десять лет говорила: такое простить нельзя.

— А теперь понимаю, что простить можно все.

Я вытащила из пачки новую сигарету и прикурила от еще дымящего окурка.

— Тома, зачем ты... — попробовала остановить меня. Я махнула рукой:

— От плиты прикуривать трудно. Таня, поставь себя на мое место. Представь, как это — все забыть, взять букет и пойти его поздравлять. После такого...

Она взяла меня за руку:

— А я часто ставлю себя на твое место. И сейчас, и раньше. И когда ты стояла на сцене и принимала букеты, красивая и счастливая... Я тогда тебе завидовала. А потом, когда Валентин пил, тебя жалела. А сегодня пришла эта девочка, массажистка, я была в маске... Она мне: «Тамара Леонидовна, Тамара Леонидовна»... Стала рассказывать, как на мои... твои, конечно... спектакли ходила, как ей понравилась «Чайка»... Ты извини, но я не стала ей возражать. Не сказала, кто я. Так что, прости, но я почти час была на твоём месте.

— Интересно. — Я огняла руку. — И что ты ей рассказывала?

— Примерно то, что и ты в своих интервью. — Таня стала аккуратно собирать косметичку.

— А она тебе?

— Сначала восторгалась твоей-моей игрой, а потом... — Она на мгновение замялась: — Сериал пересказывала. «Детектор лжи». Муж много лет изменяет жене с лучшей подругой. А жена не догадывается.

— И чем закончилось?

— До конца не дошли. В следующий раз дослушаю. Наверно, хэппи-энд. Где ты видела сериал с трагическим финалом?

Она потянулась к сигаретной пачке.

— Таня, мы же с тобой бросили... — глупо упрекнула я.

— Да ладно... — Помахала в воздухе сигаретой, подмигнула: — Огоньку не найдется?

Пока она прикуривала от моей сигареты, я поняла, что и на этот раз она победила. Она всегда добивалась своего, моя благоразумная и упрямая сестра. Я еще пыталась сопротивляться, но все было решено — не видать мне посольской селедки («Я своего писателя попрошу — он для тебя из Стокгольма банку пришлет!»), голодать мне часа четыре до театрального банкета («Если хочешь есть, я тебе сейчас бутерброды сделаю, перекусишь!») и, хоть одета я для приема, а не для юбилея («Тома, вполне успеваем переодеться, ты наденешь вот то свое, темно-красное, с блестящей отделкой, это просто бомба!»), мы едем в театр:

— Все знают, как мы расставались. А сегодня там все телевидение... — Это все еще пытаюсь обороняться я.

— Вот и отлично! Шума наделаешь! О чем им писать? Все уже сказано и сто раз пережевано. А тут — ты! Красавица! — Это воодушевляет меня Таня. И я сдалась:

— Тань, может, по пятьдесят, для храбрости?

Она потянулась к бутылке с вином, оставшейся от странных посиделок с массажисткой, любительницей сериалов. А еще медицинский работник, с клиентами пьет!

— Нет, давай коньяк! Ну... Зачем пьем — понятно. А за что?

— За победу! — Таня высоко подняла рюмку.

— Чью?

— Разума над чувствами.

Винный — мой цвет. Парикмахерша Ольга все-таки не оплошала — хорошо, что коротко подстригла, это молодит. Нет ничего лучше для блеска глаз, чем пятьдесят грамм коньяку. Когда я вышла из спальни, Таня удовлетворенно констатировала:

— А я что говорила! Томка, красивей тебя нет!

Она составляла на поднос, чтобы отнести его в кухню, бокалы и коньячные рюмки, тарелку с печеньем.

— А это что? — На подносе белела горка каких-то мелких обрывков бумаги и, как мне показалось, фотографии. Я вроде их здесь не видела...

— Так, ерунда, старый мусор из карманов халата... — Она пошла с подносом на кухню и по пути крикнула: — Да, Тома, в цветочной лавке сказали, что для Та-

мары Трегубовой букет срочно приготовят, заедем по пути. Такси я уже вызвала. Я тебя за руль не пушу.

— Да ладно... Один глоток — ничего страшного. Думаешь, если что, меня гаишники не узнают? Думаешь, оштрафуют? — попробовала я решить хоть что-то сама.

Таня была неколебима:

— Конечно, узнают. И денег не возьмут. Но лучше на такси. Как покойный Сережа говорил: мудрый — это умный в рассрочку.

Меня она уже не послушает. Я трусила, надо бы добавить коньяка, но рюмок уже на столе нет. И вдруг она сама предложила:

— Давай монетку бросим. Пусть решение примут за нас.

— Давай, — обрадовалась я, хватаясь за последнюю соломинку. — Орел — в посольство. Решка — в театр.

Понятно, что вновь победила она. Везучая!

— Везучая? Не то слово... — Она сняла трубку затрезволившего телефона. Приехала машина.

— Тамара, спускайся, а я все пока проверю, а то, знаешь, окурки... И куда-то я помаду задевала, — она озабоченно порылась в сумочке. — Иди, я догоню.

— Выпусти Жоржика полетать. Только форточки проверь, — напомнила я.

— Таня любит Тому! Мяу! Тома любит Таню! Мяу! — закричал мне вслед проснувшийся Жоржик.

Татьяна

А вот и финал. На сцену понимается юбиляр, исполненный чувства собственного достоинства и в то же время нарочито простой, как правда, со слегка снисходительной улыбкой, вроде бы «мне, право, неловко, но вы сами просили, чтобы я вышел...» Да, можно понять Тамару, он все-таки хорош, и чем старше, тем лучше становится, бывают такие мужчины, которым возраст идет. И женщины тоже, посмотрите на мою сестру!

В преддверии банкета шутки приобрели гастрономический характер.

— Вы просили меня раскрыть секреты творческой кухни? Не дождетесь, на то они и секреты, может быть, по наследству передам... — Одобрительный смех в зале. — Впрочем, один фамильный кухонный секрет все-таки выдам. Знаете, что нужно добавлять в маринад для мяса? Чутьочку киви! Так в детстве учила меня мама.

Ой, врет народный артист! Ни о каком киви его мама в советской глубинке и слыхом не слыхивала. Это его Сережа научил, он любил готовить, а к мясу вообще меня не подпускал — мясо женских рук не терпит. Так что, Валечка, твой секрет не наследственный, а сворованный. Маленькая месть за украденного сына? Что они еще друг у друга крали?

Потом рассаживались по машинам. Славик помахал мне рукой, но Алина дернула его за рукав и потянула в другую сторону. Славик еще раз обернулся, но она что-то сердито втолковывала ему, не ослабляя хватки. Глупая, лучше бы побольше молчала, иначе Славик не выдержит и все-таки уйдет от нее. И эти черные чулки! Конечно, плохой вкус не преступление, но кто-то же мог посоветовать.

А мне-то кто подскажет? Если Алина будет молчать и Славик останется с ней — заговорит Лена. Лена будет молчать, если Славик уйдет, да и то не факт. Публичная огласка ей будет уже не нужна, но внутри семьи... А что делать мне? Что я скажу Тамаре, когда вернемся домой? Молчать — значит, простить, все открыт — значит, наказать, но кого? Нас всех? И как мы сможем жить дальше?

Какой там срок давности у наказания? А как я убийство Жоржика объясню? Нет у меня никого, кроме Тома, но именно у нее совета и не попросишь...

Машину качнуло, я очнулась и услышала возбужденный голос Тамары:

— Таня, ну что ты молчишь? Ты меня слышишь? Спасибо, что ты настояла, спасибо, что мы поехали... Я такой кураж поймала, что меня теперь не удержать! Я такое им всем покажу! И своим, театральным, они и так на меня во все глаза смотрят, интрига-то закручивается. А дальше... А дальше — импровизация, по вдохновению. Только что с тостом? Нужно, наверное, будет сказать? Таня, Таня, ну как сказать, чтобы всех проняло? Да посоветуй ты что-нибудь, кто у нас филолог?

И я советовала, мы вместе придумывали и смеялись. Потом был банкет. Официоз быстро перешел в многоголосый нестройный шум, гости стянулись в кучки по интересам. Тамара переходила от одной группы к другой, Платонов восхищенно следил за ней. Вот это был театр! Тамарино красное платье, как красный платок Джулии из романа Моэма, убило жемчужно-серую соперницу, все взгляды были прикованы к ней, Людмила жалась в стороне, разыгрывая безразличие. А еще позже мы, порядком подвыпившие, вернулись домой.

Окно было распахнуто.

Возбужденная и довольная вечером Тома не сразу заметила отсутствие клетки с попугаем. А я боялась подойти к окну и посмотреть вниз.

«Кто-то из нас должен был умереть», «Я ведь не знала, что палачи мучаются сильнее»... Обрывки строчек моего перевода свивались в веревку на моей шее...

«Таня любит Тому» — послышался хрипло затихающий голос Жоржика. Галлюцинация... У кого «мальчики кровавые в глазах», а у меня крики попугая в ушах. «Тома любит Таню!» — чуть громче донеслось из ночного двора.

Тамара с удивлением выглянула в окно: «Боже мой, клетка висит на ветке! Бедный Жоржик, как он там оказался? Как он смог вылететь вместе с клеткой? Неужели мы ему так надоели?!»

Ее испуг и страх за жизнь беспомощного существа были первыми по-настоящему искренними эмоциями за сегодняшний день.

«Я не знаю», — устало ответила я, скрывая свою радость от неожиданного превращения палача в жертву.

P.S. По последним исследованиям, самая распространенная на земле фраза это не «Made in China», а «I don't know»...

